

Шэнь Цинчи покачал головой, отстранился и прикоснулся к своей шее, где только что была ладонь дяди.

Ладонь дяди была очень горячей.

Шэнь Фан вздохнул с облегчением. Мысль о том, чтобы перестать быть человеком, немного отступила из-за вмешательства официанта. Он слегка кашлянул:

— Давай поедим.

Уже был час дня, а они ещё не поели. Шэнь Цинчи действительно был голоден до предела. Он решил, что игру «испытать дядю» стоит продолжить после еды, временно ослабив натиск, и сказал Шэнь Фану:

— Вместе.

Официант, похоже, действительно боялся, что «ребёнок останется голодным», принёс много еды: жареную курицу, пиццу, картофель фри и ещё кучу закусок, что вполне соответствовало атмосфере KTV.

Конечно, не обошлось без алкоголя и мороженого.

Шэнь Цинчи сначала съел мороженое, чтобы оно не растаяло, и, увидев, что Шэнь Фан не притрагивается к еде, спросил:

— Дядя, ты не голоден?

— М-м... Ешь сам, не беспокойся обо мне, — ответил Шэнь Фан.

— Это довольно вкусно, — Шэнь Цинчи зачерпнул ложку мороженого и протянул её к Шэнь Фану. — Дядя, хочешь попробовать?

Шэнь Фан взглянул на ложку с мороженым, увидел уже использованную ложку и никак не мог понять, что творится в голове у этого ребёнка.

Он вежливо отказался от «угощения»:

— Дядя не любит это, ешь сам.

— Ох, — Шэнь Цинчи с сожалением убрал руку, словно жалел, что дядя не может насладиться таким вкусным мороженым.

Шэнь Фан не знал, смеяться ему или плакать.

Он действительно не мог понять, как Шэнь Цинчи вырос таким наивным и простодушным в такой грязной среде, как семья Шэнь.

Он был настолько милым, что Шэнь Фану было просто жалко его трогать.

Шэнь Цинчи, закончив мороженое, принялся за жареную курицу, совершенно не замечая, что взгляд Шэнь Фана всё это время был прикован к нему.

Он попробовал понемногу от каждого блюда, оставив остальное Шэнь Фану. Жареная курица была настолько вкусной, что он не смог удержаться и съел лишние кусочки, после чего

почувствовал тяжесть в желудке. Облизав пальцы, он сказал Шэнь Фану:

— Дядя, я наелся.

Шэнь Фан выпил банку пива и передвинул оставшуюся пиццу к себе:

— Хм.

Шэнь Цинчи встал, собираясь сходить в туалет, но почему-то, едва поднявшись, пошатнулся и чуть не упал.

Шэнь Фан поддержал его:

— Что случилось?

— Немного... голова кружится, — пробормотал Шэнь Цинчи, его слова стали нечёткими. — Наверное, кондиционер слишком сильно дует.

Шэнь Фан нахмурился, наблюдая, как он идёт в туалет, и через некоторое время тот вышел, шатаясь.

За время, пока он мыл руки, Шэнь Цинчи уже не мог идти прямо. Шэнь Фан понял, что что-то не так, быстро подошёл к нему, понюхал и почувствовал слабый запах алкоголя. У него возникло дурное предчувствие:

— Что ты пил?

— Что? — Шэнь Цинчи поднял на него мутный взгляд. — Я... пил только напиток.

Напиток?

Шэнь Фан быстро усадил его на диван, взял со стола почти пустую стеклянную бутылку «газировки», посмотрел на неё и ахнул.

Это была вовсе не газировка.

Это был алкоголь!

В KTV часто подают напитки, которые по виду и вкусу напоминают обычные напитки, но на самом деле это алкоголь. С первого глотка сложно понять, что это алкоголь, но его легко выпить слишком много, и он имеет сильный эффект.

Он не заметил, что официант принёс такую бутылку. Вероятно, это было из-за того, что он сказал, что пришёл развлечься.

Шэнь Фан был в отчаянии, жалея, что не проверил содержимое бутылки. Шэнь Цинчи никогда раньше не был в KTV и не знал о таких уловках, поэтому не мог быть настороже.

Он усадил Шэнь Цинчи на диван и сказал:

— Ты пьян, не двигайся.

— М-м... Пьян? — Шэнь Цинчи покраснел и смотрел на него растерянным взглядом. — Я не пил алкоголь, дядя, я пил только напиток.

— Это не напиток, это алкоголь.

— Правда? — Шэнь Цинчи приложил тыльную сторону руки ко лбу. — Но на вкус это был напиток...

— Не будем здесь оставаться, поедem домой, — решил Шэнь Фан, собираясь закончить сегодняшний день раньше, и потянулся за своим пиджаком, висевшим на спинке дивана.

До этого момента Шэнь Цинчи был очень послушным, но услышав это, он нахмурил свои изящные брови и схватил Шэнь Фана за воротник:

— Дядя, я не хочу домой.

Шэнь Фан только что встал, и неожиданный рывок застал его врасплох. Он едва не упал на Шэнь Цинчи, едва удержавшись за спинку дивана, и с изумлением посмотрел на человека перед ним.

Шэнь Цинчи покраснел от обиды, его голос слегка дрожал:

— Я не хочу домой. Если я вернусь, за мной будут следить, я не хочу возвращаться... Почему вы так со мной поступаете, дядя? Что я сделал не так? Почему... меня держат под домашним арестом? Почему Чжоу Ванъянь занял моё место в университете?

Шэнь Фан хотел заставить его отпустить, но внезапно эти слова заставили его замереть на месте, забыв, что он собирался сделать.

— Чжоу Ванъянь... хочет поступить в Университет Цин. Он может пересдать экзамены, может поступить в следующем году. Я могу учить его, помогать ему готовиться. Но почему он должен занять моё место? Я ведь тоже усердно учился, чтобы поступить. Почему я не могу пойти учиться? Разве мои усилия ничего не значат? Почему всё, что у меня есть, забирают у меня только потому, что я не их родной сын?

— Я раньше его не ненавидел. Я знаю, что он их родной сын, а я всего лишь захватчик, занявший чужое место. Я готов вернуть ему то, что ему принадлежит. Я готов уйти из семьи Шэнь, я могу отказаться от всего. Но только не от этого. Только это я не хочу отдавать. Я могу не отдавать это ему, дядя?

— ...Шэнь Цинчи, — Шэнь Фан схватил тонкое запястье юноши. — Ты не должен отдавать это. Ты не должен им ничего. Это всё изначально принадлежало тебе.

— Но почему они так не думают? — Дыхание Шэнь Цинчи участилось, как будто ему не хватало воздуха, его щёки покраснели ещё сильнее. — Дядя, почему их отношение отличается от твоего? Почему только ты так добр ко мне?

Шэнь Фан на мгновение потерял дар речи.

Он задавался вопросом, действительно ли он был так добр к Шэнь Цинчи. Он лишь оказывал ему посильную помощь.

За те несколько дней, что Шэнь Цинчи провёл у него дома, он всегда был послушным и спокойным, почти никогда не проявляя сильных эмоций. Возможно, только в состоянии алкогольного опьянения он мог высказать все свои печали и обиды.

Он был всего лишь ребёнком.

Шэнь Фан вздохнул и нежно погладил макушку юноши:

— Не грусти, дядя поможет тебе.

— М-м... м-м... — Шэнь Цинчи, похоже, успокоился и даже слегка потёрся головой о его ладонь.

Как котёнок, ласкающийся к хозяину.

Шэнь Фан на мгновение замер.

Шэнь Цинчи немного успокоился, но вдруг поднял голову, посмотрел на Шэнь Фана, как будто что-то вспомнил, и воскликнул:

— Ах, дядя, мы ведь сейчас играем, да?

Шэнь Фан не понимал, как его мысли так быстро перескочили. Возможно, из-за алкоголя его слова стали такими же запутанными, как и он сам, совершенно непредсказуемыми.

Шэнь Цинчи, решив, что наконец вернулся к «делу», изо всех сил моргнул, пытаясь рассмотреть человека перед собой, отпустил воротник Шэнь Фана и обнял его за шею:

— Но как это сделать? Дядя, я не умею, ты можешь научить меня?

Шэнь Фан...

Не получив ответа, Шэнь Цинчи решил действовать самостоятельно. Он начал расстёгивать пуговицы на рубашке Шэнь Фана:

— Нужно раздеться? Раздеть тебя или меня? Или нас обоих?

Шэнь Фан глубоко вдохнул и быстро схватил руку, которая блуждала по его телу:

— Нет, больше не нужно играть.

— А... Почему больше не играть? — Шэнь Цинчи был в замешательстве, в его глазах появилась дымка, и он снова обиделся. — Я сделал что-то не так? Прости, я действительно не умею, дядя, научи меня, я научусь.

— Не в этом дело, подожди...

— Мне плохо... — Шэнь Цинчи крепко обнял его за шею, заставляя его наклониться, и прижался головой к его плечу. — Мне трудно дышать, дядя, голова кружится, жарко... Я что, умру?

Горячее дыхание коснулось его шеи, и Шэнь Фан мгновенно застыл, не в силах пошевелиться. Он ясно слышал дыхание Шэнь Цинчи — неровное, учащённое, как будто какой-то ритмичный и двусмысленный барабанный бой, неумолимо проникающий в его уши.